

очень дорого стоитъ долго жить въ торговомъ городѣ. Изунгъ спросилъ, въ какомъ духѣ конунгъ послѣ побѣды, доставшей ему въ его походѣ. Тотъ отвѣчалъ, что самъ конунгъ побѣдой не очень доволенъ, а люди говорятъ будто онъ тамъ больше потерялъ, чѣмъ получилъ, кромѣ того, что полонилъ одного богатыря у Тидрека Берискаго, и то бы онъ его не взялъ, кабы не Гертнитъ, его племянникъ. Изунгъ спросилъ тогда, дома-ли въ городѣ Гертнитъ, его родичъ и какъ зовутъ богатыря, котораго полонили и живъ онъ еще, или нѣтъ. Тотъ говоритъ, что Гертнита нѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ свои замки и имѣнія, и Видгой звать богатыря, котораго взяли, и сидитъ онъ въ темницѣ, въ крѣпкихъ цѣпяхъ. «Сдается мнѣ, что онъ ждетъ своего послѣдняго часа въ многихъ и великихъ мукахъ». Изунгъ сказалъ, что надо надѣяться, что онъ (Озантриксъ) станетъ держать его крѣпко, и что конунгу нѣтъ никакой выгоды, чтобы онъ вышелъ на волю. И онъ пожелалъ тому человѣку хорошаго пути, тотъ ему — тоже; тутъ они разстались.

Гл. 142. Изунгъ направился къ городу и прежде всего вошелъ въ городъ къ самому конунгу. И какъ явился туда извѣстный главный скоморохъ, ему сдѣланъ былъ хорошей приемъ. Конунгъ Озантриксъ спросилъ, какую такую игру можетъ имъ сыграть славный скоморохъ, если онъ знаменитѣе всѣхъ другихъ скомороховъ. Изунгъ отвѣчалъ: «Надѣюсь, господинъ, что мало играли тутъ въ землѣ вилькиновъ такъ, чтобы мнѣ не сыграть лучше, чѣмъ большая часть другихъ. Я умѣю пѣть, играть на арфѣ, на скрипкѣ, гудкѣ и на всѣхъ струнныхъ инструментахъ». Конунгъ Озантриксъ приказалъ подать ему арфу, и заигралъ онъ на арфѣ. Говоритъ конунгъ и всѣ остальные, что никогда не слышали лучшей игры. И только отыгралъ онъ на арфѣ, началъ его медвѣдь играть, а потомъ заплясалъ. Изунгъ далъ имя своему медвѣдью—прозвалъ его Визлео. И показалось каждому чудомъ и дивомъ, какъ умѣетъ этотъ медвѣдь хорошо и ловко плясать, а и какъ онъ золъ. Въ тотъ вечеръ Изунгъ хорошо и искусно забавлялъ конунга, а также и его медвѣдь. А медвѣдь былъ такой злой, что ни одного человѣка не подпускалъ къ себѣ близко, кромѣ одного Изунга. Всякаго другого онъ бы разорвалъ и растерзалъ, кто бы подступилъ къ нему ближе. Говоритъ конунгъ: «Медвѣдь твой очень золъ. Можетъ ли онъ сплясать лучше, чѣмъ сказывали и чѣмъ мы видѣли»? Изунгъ отвѣчалъ: «Какъ далеко я ни хаживалъ по бѣлу-свѣту, а такого сокровища, какъ мой медвѣдь, никогда не встрѣчалъ. Онъ знаетъ всѣ игры и